

«Интеллигенция»: ушедшее понятие и его последствия

Lev Gudkov

* Гудков Лев Дмитриевич (1946), российский социолог, доктор философских наук, профессор. Директор Аналитического центра Юрия Левады, главный редактор журнала «Вестник общественного мнения». Автор работ по теории и истории социологии, социологии культуры и литературы, общественного мнения, этнонациональным отношениям, проблемам трансформации посттоталитарного общества.

1. Предварительные замечания

Давний интерес к «интеллигенции» у команды социологов Юрия Левады связан с поиском и анализом тех сил, которые могли бы инициировать изменения советской системы и предложить реальную программу трансформации тоталитарного «общества-государства» в более открытое, демократическое и правовое государство. В этом плане интеллигенция рассматривалась как один из видов элиты, задающей новые ценностные образцы и поведенческие установки, принимаемые другими группами в обществе, способными к рецепции ее идей, и постепенно распространяемые в более широких слоях населения. Отчасти это укладывалось в традиционные российские представления об интеллигенции в России, отчасти соответствовало известной в социальной и культурной антропологии схеме «спуска образца» или модели социокультурной динамики, представленной в работах А. Моля, или Н. Элиаса, описывающего «процесс цивилизации». Наши эмпирические социологические исследования, проведенные до перестройки, в ходе нее и после 1991 года, казалось бы, подтверждали правильность такого подхода: в 1985-1990 годах шла скрытая консолидация национальных элит в союзных республиках, объединяемых журналами, выходящими на национальных языках, в России – неформальными общественными объединениями, в которых самую активную роль играли представители научной или университетской интеллигенции, журналисты, литераторы, деятели искусства.

Опросы общественного мнения, ставшие возможными после создания ВЦИОМ, свидетельствовали, что вектор изменений был задан самыми продвинутыми группами населения – высокообразованными молодыми жителями крупнейших городов России, требовавших институциональных реформ, в первую очередь – устранения монополии КПСС и перехода к рыночной экономике. После распада СССР массовая поддержка политики реформ, начатых правительством Гайдара, состоявшим в большой степени из научных работников, придавала уверенность в подобной интерпретации. Однако уже к концу 1991 года возникли первые сомнения в адекватности понимания интеллигенции как элиты, которые позже только усиливались. (Гудков, Дубин, 1991, с.97-99) И скоро стало ясно, что «интеллигенция», или образованный класс, с готовностью передает функции лидерства представителям прежней (хотя и сменившей знамена) партийно-советской или хозяйственной номенклатуры, оказываясь несостоятельной в практической реализации провозглашенного курса реформ.

Это заставило нас пересмотреть трактовку интеллигенции как «элиты». Принятое в социологии идеально-типическое понятие элиты предполагает исполнение ее трех основных социальных функций: *символической*, *нормативной* (интеграции) и *целеполагания*. Всякий раз, когда заходит речь о «настоящей» элите (аристократии, патрицианской буржуазии, рациональной бюрократии, профессиональных политиках-руководителях парламентских партий или других ее типах) во внимание принимаются не только те ценности, которые ею провозглашаются, но и способы ее взаимодействия с другими группами, сословиями, классами (что предполагает разделение властей, независимую судебную систему, правовое государство, права человека). Авторитет элит обусловлен тем, что в сфере своей деятельностью они демонстрируют поведение, которое расценивается как образцовое и обязывающее (в моральном или статусно-сословном отношении) или как оптимальное, наиболее эффективное в плане достижения намеченных целей («лучшее» из возможных – в бизнесе, политике, науке, искусстве, спорте). Другими словами, влияние элит в современном обществе основано на характере выполняемых ими функций. «Элиты» таким образом символически представляют «общество» в

разнообразии его высших достижений. Образование элит при этом оказывается важным, но не единственным или даже не решающим признаком элитарности, в отличие от «образованности» как признака принадлежности к «интеллигенции».

Кроме того, семантические импликации понятия «интеллигенции» совершенно иные, чем у «элиты». Во-первых, это своеобразное представление об обществе как о косной, аморфной и пассивной среде, тотальности неструктурированного населения, интегрируемого лишь суверенной во всех отношениях властью (бюрократией и полицией); изменения в нем происходят только по инициативе «правительства» и только в интересах власти (революция «сверху»). Во-вторых, роль интеллигенции понимается прежде всего как просвещение народа для осознания им своих интересов (предполагается, что люди сами по себе не в состоянии осознать, что для них важно, а что нет). В-третьих, задача интеллигенции состоит в том, чтобы внести в массовое сознание представления о «правильной», то есть справедливой организации власти, поскольку для государственно-патерналистского сознания именно от власти зависит жизнь подданных. В-четвертых, изменения не могут быть частичными, необходимо тотальное изменение всей системы несправедливой, неэффективной власти, слом ставшего архаическим и коррумпированным господства. Интеллигенция таким образом воспринимается как антипод бюрократии. Другими словами, понятие интеллигенции строится на негативе представлений о власти, культурном или моральном авторитете, но без средств принуждения или практической реализации намеченных идеальных целей.

При этом в дискуссиях такого рода почти никогда не обсуждаются вопросы, какие социальные интересы, каких групп населения должны стать мотивирующей силой предполагаемых изменений, какие интеллектуальные, институциональные или культурные ресурсы и средства могут быть задействованы интеллигенцией для того, чтобы массы могли принять и усвоить эти ее идеи. Поэтому мерой влияния интеллигенции обычно считается не ее участие в политических или общественных процессах, а такие общие показатели «просвещенности», как количественное расширение образованных людей, культурное поведение (чтение, благотворительность, посещение театров и музеев и т.п.), по которым, предположительно, судят о размерах интеллигентной аудитории.

Но сам по себе количественный рост слоя образованных людей (без структурных изменений государства), как будет показано дальше, не приводит к ожидаемым изменениям. Так, в последние десять лет, при путинском режиме, мы фиксируем прямо противоположную тенденцию: увеличение численности людей с высшим образованием при сохранении централизованной вертикали власти – диктатуры, не имеющей сдержек и противовесов, не контролируемой обществом, привело к появлению своеобразной социально однородной «плазмы» – массовой культуры городского потребителя, в целом довольного собой, своей жизнью, «национальным лидером», его воинственной политикой и риторикой имперского «возрождения России». Разбухание этого массива интеллигенции (которую А. Солженицын именовал «образованщиной»), требующей к себе должного уважения, но не получающей его в достаточной степени, в свою очередь, стало причиной распространения антизападного рессантимента и компенсаторного традиционализма, условием укрепления путинского авторитаризма.

Дискуссии об интеллигенции в России носят циклический характер, то затихая, то вспыхивая с новой силой. Возобновление интереса к этой теме можно рассматривать как симптом нарастающего напряжения в безвыходной ситуации: длительной общественной стагнации, консервативной системы господства, закрытого общества и отсутствия

возможностей для политического участия или деятельности гражданского общества. И, напротив, актуальность этой проблематики резко падает в условиях кризиса или развала репрессивной системы.

С точки зрения социологии понятие «интеллигенции» является апеллятивной структурой идентификации групп, претендующих на роль национальной элиты. Оно включает в себя а) представление о своей (воображаемой) миссии в изменяющемся обществе, б) критику или оппонирование правительственной бюрократии, неспособной провести желаемые изменения или сопротивляющейся им. Вера в свою миссию является консолидирующим началом, притягивающим, собирающим и объединяющим образованных людей, считающих себя носителями определенных социально-нравственных убеждений или идеологических взглядов (отличных от официальных). Реальные же занятия интеллигентных людей никак не связаны с приписываемыми им качествами и функциями: они могут быть предпринимателями, купцами, чиновниками, рантье, техническими служащими, «разночинцами».¹

Идеологема интеллигенции – это миф догоняющей модернизации в авторитарной стране, совокупность идеальных представлений о людях, владеющих научным знанием, нравственных, гуманных, с чувством своей ответственности за «судьбу страны», способных предложить или указать путь национального развития. Политическое участие кажется невысказанным в таких условиях, речь только о «просвещении» тех, от кого зависит будущее страны – «правительства» или «народа».

Этот миф объясняет сразу несколько вещей: положение страны в ряду других великих и малых стран, развитых и отсталых, действия господствующего класса, социальную структуру страны (композицию основных категорий населения и их взаимоотношения между собой), условия надежды на лучшее будущее, самооценку с точки зрения приближения к идеальному или желаемому состоянию (к «Европе»). Этот миф структурирует и социальное пространство, и время, он задает систему координат для самоопределения образованных людей (отделяющих себя таким образом от основной массы населения) в символическом пространстве движения «к современности, к благополучию и прогрессу». Семантика «интеллигенции» не образует устойчивых социальных отношений, которые мы могли квалифицировать или определять как наличные социально-профессиональные группы или институты. Подобная виртуальная структура коллективной идентичности не предполагает институционализации элитных функций и ролей. Если же это понятие начинает применяться к институциональным отношениям (слою, группе, «социальной прослойке») служащих, как описывали интеллигенцию в советских учебниках), то в таких случаях мы имеем дело с бюрократией – иерархической социальной организацией, подчиненной власти и выполняющей совершенно определенные функции воспроизводства этой системы господства. Попытки вскрыть это несоответствие значений и функций или подвергнуть анализу причины неудач этой «эраза-элиты» (Левада, 2007. с.15) наталкиваются на сопротивление образованного большинства, что говорит о важности подобной структуры идентичности и стремления к ее сохранению.

---

¹ «В принципе элитарная группа «интеллигентского типа» консолидирована вокруг символов, а бюрократическая – вокруг должностей». (Левада, 2007, с.8)

2. В поисках «элиты»

С распадом СССР закончилось существование двусмысленной интеллигентской культуры 1960-80-х годов с ее сервиллизмом и некоторым сопротивлением государственному насилию. Опросы общественного мнения, проводимые Левада-центром с 1988 года, показывают, что с началом ельцинских реформ интеллигенция утратила свой авторитет в обществе, а с ним и способность влиять на СМИ, на власть.² Ее исчезновение прошло незамеченным на фоне социальных перемен, последовавших за крахом коммунизма.

В разговорах о советской интеллигенции обычно возникает аберрация, характерная для ретроспективного видения: во-первых, персонажи того времени берутся не в контексте своей эпохи, а рассматриваются через призму последующих знаний о них (часто – с учетом их трагического конца), которыми не могли обладать их современники; во-вторых, об «интеллигенции» как целом, то есть о слое образованных людей, судят по заслугам некоторых из них, экстраполируя на всех, относимых к ней, моральные и интеллектуальные достоинства отдельных индивидов. Тем самым виртуальному множеству придаются черты и характеристики выдающихся людей, «интеллигенция» обретает антропоморфные черты и наделяется такими качествами, как «совестливость», «отзывчивость», «гуманность», «духовность». Само понятие «интеллигенция» лишено определенности, оно нагружено значениями, воспроизводящими иллюзии и предрассудки разных групп и разного времени. Но при всех пертурбациях его семантики ядро понятия сохраняло сильный ценностный компонент: значения «разума», «понимания», «знания», «морали», «культуры», «авторитета», присваиваемых теми, кто относил себя к «интеллигенции» или определял себя как «интеллигента», как «человека культуры». В большой степени круг этих представлений был продуктом эпигонской рецепции европейского Просвещения, европейского образования.³ Усвоение этих идей предполагало их огрубление или адаптацию применительно к обстоятельствам бюрократического «воспитания народа». Именно это обстоятельство – необходимость посредников между властью и народом – создавало иллюзию наличия некой социальной группы «интеллигенции», как почти сразу стало пониматься это слово в русском языке.⁴

² В 1995 году 55% опрошенных россиян считали, что интеллигенция как таковая исчезла, что она перестала выполнять свою роль морального критика власти, пойдя на слишком большие компромиссы с новым руководством страны и бизнесом. В списке влиятельных общественных сил и институтов интеллигенция стоит на предпоследнем месте (первые пять занимают президент, церковь, армия, ФСБ и олигархи) (Общественное мнение в 2016 году. с.84, табл.9.1.1). За все постсоветские годы только 17% россиян в среднем полагали, что интеллигенция сохраняет свое значение (преимущественно это те, кто относит себя к «интеллигенции»).

³ Само по себе появление социально-моральной группы, берущей на себя задачу ускоренной вестернизации своей страны, характерно для большинства стран догоняющей модернизации, Россию можно считать лишь исторически первой в этом ряду.

⁴ Именно в этой форме понятие «интеллигенции», изобретение которого в 1866 году приписал себе П. Боборыкин («самый образованный, культурный и передовой слой общества» [П.Д. Боборыкин.], получило свое символическое значение и стало использоваться в публицистике и философской эссеистике второй половины XIX- начале XX века. Однако С.О. Шмидт показал, что слово «интеллигенция» в близком значении употреблял в своих дневниках В.А. Жуковский еще в 1829 г. («лучшее петербургское дворянство <...> которое представляет всю русскую европейскую интеллигенцию» (Жуковский, 1994). В словах Жуковского (как и в определении Боборыкина) важно сочетание трех смысловых элементов, ставшее позднее конститутивным для всей

В то же время, всякие попытки описать «интеллигенцию» 19-го века как эмпирическую социальную группу или слой всякий раз оканчивались полной неудачей.

Освободить проблему от идеологических напластований можно только если рассматривать положение и функции образованных групп в России в системе меняющихся институциональных координат – институтов воспроизводства образованного сообщества.⁵

Идеологема «интеллигенции» возникла в одно время с появлением у русских литераторов других понятия или идей, отмечающих пробуждение национального самосознания, а именно: [русский] «народ», «культура» («литературная культура» /1829/), «общество», «история» (а не хроника династии) и других идейных заимствований из европейской философии. Толчком для этих интеллектуальных движений стало осознание образованной частью русского дворянства проблемной ситуации, в которой оказалась страна после «Отечественной» войны с Наполеоном. Осмысление крайне противоречивых взаимоотношений с Европой продолжалось все 19-е столетие и не закончилось по настоящее время. С одной стороны, воображаемая «Европа» (Франция, Германия, Англия) выступает как источник культурных или цивилизационных образцов, заимствуемых и правительством, и дворянством. На них ориентируется, по меньшей мере – декларативно – и государственное управление, и право, и армия, и искусства, литература, университетское образование. Идеальный «Запад» стал частью русской идентичности, мерой собственной самодостаточности. С другой – встает вопрос, можно ли воспроизвести у себя те же достижения, но без «зловредных» идей вольнодумства, республиканства и атеизма, не ставя под угрозу традиционную систему самодержавия и государственного крепостничества?

В этих условиях – наличия ригидной системы господства патримониальной бюрократии («правительства» в языке 19 столетия) – возникают две взаимосвязанные смысловые конструкции (каждая из которых обладает собственным потенциалом смыслового разворачивания): «Россия/Европа» и производная от нее идеологема: треугольник «власть-народ-интеллигенция». ⁶ Каждому их элементу можно приписать

проблематики русской элиты и русской культуры: «русское»+«европейское» = «лучшее» / «передовое»+«аристократия», но не по рождению, а «по духу», люди, избранные в соответствии со своими достоинствами).

⁵ «Для определения общественных слоев и групп как элитарных существенны такие признаки, как социальные ресурсы (обладание специальными знаниями, благами, возможностями влияния, доступом к власти), обозначенная обособленность от других групп (престиж, «избранность»), характер деятельности, функции (поддержание порядка, репродукция образца, адаптация или сопротивление изменениям)» <...> «В дефиниции «элитарности» наиболее важен не «кадровый состав» соответствующих групп, а способ их действия с его нормативно-ценностными и символическими компонентами, «кумирами» и мифами...» (Левада 2007, с.4)

⁶ «Отнесение к «Западу», выступающему как идеал достижения и как синоним специфической «модерности», порождает двойное сознание настоящего: одно из них представляет культурную норму оценки другого, связано с ним и демонстративно в отношении него. <...> Эту систему можно было бы назвать «Past in the future» (прошедшее в будущем), то есть то, что должно быть в «прошлом» с точки зрения «будущего». Но тоже самое можно сказать и о «будущем», вменяемом с точки зрения «уже прошедшего». Такая конструкция лишает всякого смысла саму идею культуры [в немецком смысле – Х. Аделунга или И. Канта, как субъективной способности и усилий к самосовершенствованию индивида или народа] и значимость настоящего, тех

столь же амбивалентные характеристики, что и всему целому. Комбинирование этих конструкций определяет все разнообразие последующих интеллектуальных движений, воспроизводя устойчивый **невроз идентичности**: самобытность отсталой и бедной страны; «современность» как образ развитых («передовых»), но «чужих» стран; власть – как условие сохранения «традиций», своего национального уклада жизни или социального изменения, инициированного и контролируемого сверху.

Такая структура самосознания европейски образованных групп порождает своеобразное чувство «вины» перед «народом» или «потерянности», своей беспочвенности.⁷ Стремление избавиться от комплекса коллективной (национальной) неполноценности и найти основания для *позитивной идентичности*, для национальной гордости и самоуважения, предполагает освобождение России от зависимости от Европы (от «ослепления Западом», по выражению К. Аксакова (Аксаков К.С., Аксаков И.С., с.30);⁸). Их находят либо а) в мифах Великой Державы и ее «славы, купленной кровью» (традиционных оправданиях вертикали власти), либо б) в фантазиях на тему прошлого Руси (включая утопии общины) или ее «будущего». Будущее может пониматься как современное, но идеализированное западноевропейское (правовое) государство, так и социалистические прожекты, иногда и то, и другое в каких-то сочетаниях. Поиски оправданий самодостаточности России («особый путь» России, «Россия как особая цивилизация») определяют структуру самосознания элиты и тем самым – динамику русской культурной традиции, череды сменяющих друг друга коротких периодов открытости миру и долгих – защитного изоляционизма. Сегодня эта проблематика несмотря на свою архаичность, становится чрезвычайно актуальной.

Холистское мышление, загнанное в треугольник «власть-народ-интеллигенция», не допускает репрезентации *отдельных* социальных интересов (все равно – сословий или социально-профессиональных групп), поскольку утверждения о партикулярной самодостаточности, независимости кого-либо от власти, субъективной автономности воспринимаются как проявления частного или коллективного эгоизма. Поэтому логика «интеллигенции» не знает ни идеи «представительства», ни гражданского общества, мышление совершается только в категориях «целого».

Реальная модернизация, хотя и очень ограниченная в своих масштабах, скорее военно-технологическая и образовательная, началась лишь в последней трети XIX-начале XX столетия. Она была инициирована правительством, вынужденным после ряда военных поражений (в Крымской или русско-японской войне 1905 года) начать проведение институциональных реформы ради сохранения Империи. Особую роль здесь играл быстро

действительных структур социальных отношений, интересов, идей, которыми руководствуются люди в своей повседневной жизни. (Гудков, Дубин, 1986, с.216).

⁷ «У всех народов самостоятельных просвещение развивалось из начала, так сказать, отечественного; их произведения, достигая даже некоторой степени совершенства и входя, следственно в состав всемирных приобретений ума, не теряли отличительного характера. Россия все получила извне; отсюда это чувство подражательности, которое самому таланту приносит в дань не удивление, но раболепство; отсюда совершенное отсутствие всякой свободы и истинной деятельности» <...> Началом и причиной медленности наших успехов в просвещении была та самая быстрота, с которой Россия приняла наружную форму образованности и воздвигла мнимое здание литературы без всякого основания, без всякого напряжения внутренней силы». (Веневитинов, 1825/1956, с.210-211)

⁸ см. также: И. Шевеленко (2017, с. 210-21).

формирующийся предпринимательский класс, уже не нуждавшийся в интеллигентской легитимации. Ограниченность допускаемых властями изменений была причиной постоянного воспроизводства оппозиции: абсолютная власть централизованного чиновничества – беспочвенная интеллигенция, возложившая на себя «миссию слома идейных основ патриотического консерватизма и трансплантацию на российскую почву плодов европейского прогресса» (Левада, 2007, с.7).⁹ Радикализация этой конфронтации привела к революции, которая не изменила саму вертикальную структуру российского общества. Подавленные процессы структурно-функциональной дифференциации блокировали отделение (эмансипацию) «общества» от государства.

3. Формирование советской интеллигенции: особенности «общественной прослойки»

С установлением большевиками нового режима функция и идеология интеллигенции утратили свою значимость прежде, чем физически были уничтожены остатки самой интеллигенции.¹⁰ Всякие различия между «интеллигенцией» и «бюрократией» исчезли, поскольку советская интеллигенция и есть бюрократия, выстроенная вокруг партийно-государственной номенклатуры. (Вопрос: почему на нее, на советских служащих были перенесены идеологические компоненты самопонимания дореволюционной интеллигенции, – интересный, но требует другого разбора.) Основная ось социальной организации этого «общества-государства»: партийно-советская номенклатура и политическая полиция, пронизывала все сферы общественной, экономической и повседневной жизни, задавая идеологические ориентиры развития и определяя классовый характер селекции кадров и их подготовки. Условно можно говорить о трех периодах и, соответственно, типах советской «интеллигенции»: послереволюционном, сталинском и хрущевско-брежневском.

После 1917 года слова «интеллигент», «интеллигенция» получили отчетливо негативный, классовый или сословный характер («гнилая буржуазная интеллигенция»). Строительство «нового общества» и формирование нового, «советского человека» предполагало и символическое, и реальное уничтожение старых элит и их репродуктивных институтов, проведенных в ходе показательных карательных и политических процессов 1920-х - начала 1930-х годов (дело «промпартии», «дело академиков» и др.).

К концу 1920-х годов отношение становится более сложным: наряду с продолжающейся травлей «попутчиков» и «вредителей-спецов» все более острой становится потребность властей в квалифицированных кадрах управления, производства, транспорта. Катастрофическое падение компетентности управленческого персонала нового режима было вызвано абсолютным сокращением и без того тонкого слоя образованных людей в Первой мировой и гражданской войнах, последствиями красного

⁹ См. также: *М.А. Давыдов*. За 20 лет до Великой войны. Русская модернизация Вите-Столыпина. СПб, Алетейя, 2016, с.841-882.

¹⁰ «Теперь, когда прошло двенадцать лет революции, я задаю себе вопрос: кто я? Кем я стал? Я русский интеллигент. В России изобретена эта кличка. В мире есть врачи, инженеры, писатели, политические деятели. У нас есть специальность – интеллигент. Это тот, который сомневается, страдает, раздваивается, берет на себя вину, раскаивается и знает в точности, что такое подвиг, совесть и т.п. Моя мечта – перестать быть интеллигентом» (Ю. Олеша, 1930/1999, с.55).

террора и эмиграции.¹¹ Дефицит технических кадров заставил советское руководство пересмотреть прежнюю политику в сфере образования, практически полностью разрушенную властями в первой половине 1920-х годов.¹² Рядом решений ЦК ВКПб в начале 1930-х годов была поставлена задача – разработать программу восстановления массовой школы и создание системы высшего образования для формирования своей, идеологически выверенной и лояльной к партии интеллигенции.¹³ Новая система была ориентирована на ускоренную подготовку управленческого персонала, что предполагало унифицированное, типовое обучение. Но решение даже таких задач требовало значительного времени. Высшее образование становилось массово-поточным, по своему духу – принципиально антиэлитарным и прагматическим (что соответствовало лозунгу Сталина 1929 года «догнать и перегнать» Америку по выпуску основной промышленной продукции).

Большая часть новых управленцев, замещающих старую элиту, погибла во Второй мировой войне или была уничтожена в ходе чисток или репрессий второй половины 1930-х-1940-х годов.

После войны система образования начинает медленно восстанавливаться. Режим полной изоляции от внешнего мира («осажденная крепость») сочетался с кампаниями борьбы с внутренними и внешними врагами, с космополитизмом и постепенным закреплением представлений о том, что «СССР – лидер и основа новой мировой системы», равнозначной европейской или западной цивилизации. Отсюда – доходящие до пародийности кампании борьбы «с низкопоклонством перед Западом», за приоритетность научных открытий и изобретений, культ русской классики. 1940-1950 годы – время тотальной бюрократизации литературы, науки и культурной жизни – породили атмосферу страха, цинизма и угодничества интеллигенции по отношению к начальству. И вместе с тем эти годы стали временем очередного всплеска русского шовинизма или

---

¹¹ Доля людей с университетским образованием в населении Российской империи в конце 19-го – начале 20-го века не превышала 2 промилле.

¹² Чистки вузов в 1924-25 гг. и репрессивная политика советской власти в отношении непролетарских групп привели к резкому уменьшению и общего числа вузов (в два с лишним раза) и сокращению общей численности студентов (на 28-40%). Ежегодный выпуск вузов в годы НЭП составлял в среднем 24 тысячи специалистов. В 1924 году среди *руководителей* промышленности высшее образование имели только 21% (в массе своей это было 2-х годичное обучение после рабфака). Даже среди *специалистов* в промышленности доля работников с высшим образованием к концу НЭПа сократилась с 30% до 24%. «Орабочивание» руководящих кадров и специалистов означало стремительный карьерный рост для представителей групп с минимальными культурными ресурсами, но максимально лояльных к режиму. (Гудков, 2004, с. 714) и далее.

¹³ Постановление ЦИК СССР от 19.9.1932 г. «О режиме в высшей школе» и последующие решения ЦК партии. Уже в 1935 году прием учащихся в вузы увеличился в три раза по сравнению с 1928 годом. 42% от общего числа учащихся имела индустриально-технические специальности, 24% – педагогические, 13% – дипломы агрономов, ветеринаров и других работников сельского хозяйства, столько же – врачей, 8% – специалистов социально-экономического профиля и т.п. Такое распределение говорит о том, что власть нуждалась прежде всего в специалистах двух типов: инженере и учителе, что в принципе соответствует экстремальному и крайне примитивному состоянию общества, пережившего социальную катастрофу и утратившего свои репродуктивные институты. (Гудков, там же, с. 717)

великодержавного национализма (циклически повторяющегося через поколения в правление Брежнева, а затем – Путина), с другой.

4. Советская «интеллигенция» от Хрущева до перестройки и позже

Существенные изменения начались только после смерти Сталина и хрущевской политики десталинизации. Холодная война и начавшаяся гонка вооружений, позже соперничество в космосе требовали не только все больше и больше квалифицированных кадров инженеров, конструкторов, исследователей, но и некоторой открытости мировым достижениям в сфере науки и технологий. В конце 1950-х – начале 60-х годов созданы целый ряд академических институтов (ЦЭМИ, социологии, системных исследований и др.), расширился прием в вузы, увеличилось и число самих вузов, университетов, а в них – факультетов и отделений, были открыты новые научные и научно-популярные журналы (в первую очередь, здесь нужно отметить появление многих исторических, философских, научно-популярных и молодежных изданий), что постепенно начало менять структуру коммуникаций внутри образованного сообщества.

1963-й, последний год правления Хрущева был отмечен двумя важными решениями: резким увеличением расходов на образование и науку (самый большой процент ВВП, выделяемый на науку и образование за все годы советской и постсоветской власти) и введением всеобщего обязательного среднего образования. Высшее руководство страны осознало важность массового и высшего образования для общего технологического рывка, требуемого соперничеством двух супердержав в военной и космической сфере. С течением лет это решение заметно повысило стремление населения к получению высшего образования, рассматриваемого как условие социального лифта и мобильности. Вложения такого рода постепенно изменили социальную структуру: доля людей с высшим образованием в структуре занятого населения поднялась с 1% в 1950-х годах до 3% к концу 60-х – началу 70-х годов и продолжала увеличиваться.¹⁴ К моменту прихода Горбачева она составляла уже 8-10%, что качественно изменила запросы людей и стало критическим порогом для поддержания коммунистической идеологии и лояльности режиму. «Переизбыток» относительно образованных людей, не видящих для себя никакой перспективы роста и улучшения жизни в будущем, породил ощущение «застоя», общественного болота, гниения режима и смутное желание перемен.

После войны заметно меняется состав обучающихся: студентами становятся как совсем молодые люди, выпускники школ, так и «фронтовики» - люди с совершенно иным жизненным опытом, огрубевшие, с синдромами постстрессовых состояний, по-другому оценивающих и власть, и самих себя. Смешение этих двух потоков дало позже уникальную когорту в поколении «шестидесятников», подготовивших крах тоталитарной системы, часто не желая того. Но сохранение разрыва с мировыми культурными и

¹⁴ Динамика удельного веса, доли лиц с высшим образованием в занятом населении на протяжении XX века в России составляла: в 1912 г. - 0.15-0.2%, в 1928 г. - 0.2%, в 1939 г. - 0.6%, в 1951 г. - 1%, в 1959 г. - 2%, в 1969 - 3%, в 1979 г. - 8%, в 1989 г. - 13%, в 1996-1997 гг. - 19%. (Гудков, 1999)

интеллектуальными процессами поддерживало общий догматический характер мышления у образованных групп, сочетавшийся с тотальным цинизмом и моральной коррумпированностью интеллигенции.

Советская интеллигентская культура возникла одновременно с критикой «культы личности» Сталина в качестве самообоснования репродуктивной бюрократии, пытавшейся несколько эмансипироваться от идеологического контроля и партийного прессинга. Короткая «оттепель» (1956-1962) была обусловлена борьбой наследников диктатора за власть и некоторым ослаблением репрессивных институтов – КГБ, агитпрома, цензуры, вызванного выдавливанием самых твердых сторонников диктатора из высшего руководства, утверждения доминирующего положения Хрущева и привлечения новых кадров во власть и аппарат управления. Но даже такая кампания стимулировала выступления литераторов, партийных и околопартийных функционеров с разоблачением не столько «ошибок Сталина», сколько с критикой «эксцессов» тоталитарной системы. Более открытыми для обсуждения и переоценки стали такие темы, как ответственность власти за поражения первых лет войны, за громадные потери и безжалостное растрачивание людей, провоцирование войны в результате сговора Сталина с Гитлером, бедствия деревни, прошедшей через коллективизацию и раскулачивание, послевоенный голод, жестокость и безответственность руководства на всех уровнях. Победа в войне продлила существование сталинской системы, поэтому вопрос о цене войны был чрезвычайно важен.

Эти дискуссии еще и не ставили вопрос о природе и сохранения советской власти. Тем не менее, резонанс от этих выступлений был столь сильным потому, что они совпали со сменой поколений: в жизнь вступала молодежь, лишь частично затронутая войной и репрессиями, но знающая о них, поскольку террор и коллективизация касалась непосредственно их родителей. Поэтому носителем интеллигентской культуры робкого сомнения и пожеланий «социализма с человеческим лицом» было не столько само военное поколение, сколько следующее за ним – рождения 1925-1935-х годов.

Функции советской интеллигенции заключались в обслуживании номенклатуры (подготовка кадров, оправдание власти и ее политики, цензура, технологическое обеспечение массового управления и т.п.). Однако, претендуя на значимые социальные позиции, интеллигенция настаивала на признании уважения к себе и на известной самостоятельности в качестве обладательницы специальных знаний и умений. Перспективы отстаивания своей автономности и частичной независимости от властей (как бы гротескно это не звучало) были связаны не с ее представлениями о собственных достоинствах или миссии – посредничестве между властью и народом, защите социально слабых, просвещении как тех, так и других, сохранении культурного наследия), а с утилитаризмом использования властями ее знаний и компетенций, обеспечения эффективности управления и решения поставленных властью задач. Дело не в том, что какая-то (мизерная, впрочем) часть интеллигенции боролась за свободу духа, слова и мысли, а в том, что за номинальным признанием этих ценностей стоял вполне определенный корпоративный и социальный интерес: только при условии утверждения этих ценностей в обществе (и усвоении этой мысли даже советским начальством) желаемый высокий социальный статус, авторитетность и престиж (вместе со всякого рода привилегиями, материальными благами, премиями и наградами) мог быть достижим хотя бы для части интеллигенции. Наряду с искренним холопством в интеллигенции всегда присутствовала потребность в «учителях жизни», «совести нации» (правда, обычно таких людей называли так только после их смерти). Этот периферийный слой носителей высокой культуры, несмотря на всю жесткую идеологическую цензуру, воспроизводил

представления о значимости независимого знания, что сохраняло условия всеобщего двоемыслия и постоянную готовность к оправданию своей несостоятельности и конформизма. Такая двойственность обеспечивала адаптацию к тоталитарному режиму, указывая границы допустимого и вознаграждаемого. «Ценой признания рудиментарной интеллигенции со стороны власти явился полный отказ от свободы творчества и мысли в пользу «служения» интересам властной вертикали (точнее, выслуживания перед ней). Чем бы ни оправдывалось (субъективно или публично) такое отречение от ценностей, консолидировавших некогда «старую» российскую интеллигенцию, – интересами спасения ценностей культуры, стремлением цивилизовать отношения между властью и народом, просто желанием выжить, – оно означало полную идейную и моральную капитуляцию, сделавшую невозможным существование интеллигенции как социального феномена. Фактическое превращение «творцов» в государственных служащих покончило с историческим противостоянием интеллигенции и бюрократии». (Левада, 2007, с. 13) И, тем не менее, именно благодаря этой двойственности интеллигентской культуры в обществе удавалось сохранять некоторое подобие моральных координат реальности, которые после ее ухода в 90-х годах подверглись стремительной эрозии.

Деятельность очень узкого круга людей (которых можно было бы даже перечислить по именам) дала основание считать эти годы (1963-1973 гг.) уникальным периодом в интеллектуальной истории нашей страны. Никогда в будущем уже не повторится подобная констелляция обстоятельств, породившая крайнюю интенсивность внутренней работы. Сталинизм, недавняя война, свежая память об исторических катаклизмах, восстания в Венгрии, ГДР, волнения в Польше, в Тбилиси, в Новочеркасске, скудная и мрачная повседневность закрытого и статичного общества создали такой контрастный фон, на котором открывшиеся возможности занятия наукой, философией, историей культуры означали не только включение в идеальный мир знания о мышлении и обществе, но стали эквивалентами свободы и человеческого достоинства. В концептуальном плане эта ситуация внезапного и стремительного расширения горизонтов в пределах одного поколения напоминает или воспроизводит условия западного модерна, но только в более конденсированном и ускоренном виде. Ответы на поднимаемые вопросы искались в обращении к самым различным сферам гуманитарного знания, что означало необходимость быстрого освоения материалов западных мыслителей самого широкого круга.

Подавление Пражской весны положило конец вере в возможности реформирования социалистической системы, убило идею «социализма с человеческим лицом». За этим последовал внутренний крах и деградация советской интеллигенции. Процесс смерти коммунистической идеологии и разложения советской интеллигенции растянулся почти на два десятилетия, составив серый и тоскливый период брежневского «застоя», породив диссидентство, эмиграцию, возрождение русского национализма, субкультуру «стеба» – садомазохистского черного юмора. (Кормер, 1989)

Одновременно рост людей с высшим образованием привел к относительному перепроизводству образованных людей. Дело не в абсолютном количестве людей с дипломом о высшем образовании, а в косности социальной системы, не допускающей своего усложнения (дифференциации своих функций и, соответственно, структуры, появления специализированных функциональных подразделений, относительно автономных и подчиняющихся собственным требованиям деятельности и развития, а не директивным указаниям ЦК). Вертикальная мобильность, весьма заметная в 60-е годы, к концу 70-х

годов прекратилась.¹⁵ Застой означал усиливающуюся относительную бедность (в полностью тарифицированной системе нерыночной, планово-распределительной экономики зарплаты не росли), девальвацию социального статуса и положения, отсутствие морального признания и уважения окружающих. Накапливалось поколение людей, лишенных будущего, что размывало, без всякого принуждения и специальных усилий, коммунистическую идеологию и повседневный казенный оптимизм государственного патернализма и идеологического миссионерства, которыми компенсировалась и бедность, и скука жизни. Если в 1930-1940-1950 годы статус высшего образования давал право причислять себя к социальной элите (интеллигенции), то в 1970-1980-е годы разница между статусами специалиста и квалифицированного рабочего (по зарплате, по престижу, по системе гратификации и условиях повседневного существования) практически стерлась.

Относительная деидеологизация, всеобщий цинизм и власти, и населения, ослабление полицейского контроля стали условиями распространения альтернативных каналов информации и литературы, появления неформальных семинаров, кружков и выставок. По нашим с Б. Дубиним расчетам, появившиеся в конце 1950-х-начале 1960-х годов каналы самиздата первоначально имели объем не более нескольких тысяч читателей, воспроизводя главным образом, правозащитные материалы и литературу серебряного века. Но уже к середине 1980-х годов самиздат имел очень разветвленную сеть распространения, насчитывающую несколько миллионов потребителей, главным образом в крупнейших городах Союза, с устойчивыми формами организации тиражирования и потребления. Печатная машинка сменилась вначале фотокопированием, а затем и ксероксом, что обеспечило заметное расширение аудитории и репертуара распространяемых текстов. Здесь обращались не только книги отечественных авторов или зарубежные антитоталитарные произведения в кустарных переводах, но и религиозная, мистическая, русская националистическая литература, учебники по каратэ, эротическая литература, сайенс-фикшен и многое другое. Очень важным источником этих образцов была дореволюционная книжная продукция, копируемая в закрытых НИИ, КБ, где контроль над оборотом ксероксов или фотокопической аппаратуры был ослаблен общей системой «зоны». Пропускная способность этой неформальной системы быстро росла и в чисто количественном отношении (число наименований обращавшихся в самиздате текстов перед перестройкой нами оценивалось в 5-8 тысяч; для сравнения: все продукция Госкомиздата в эти годы была представлена 30-40 тысячами наименований, из которых две трети составляла специальная техническая, естественнонаучная, агитационно-пропагандистская литература). (Гудков, Дубин, 1994, с.46-52) Возникли теневые рынки неподцензурной литературы, имевшие сетевой характер и надежный фундамент доверительных отношений.

5. Постсоветская история: конец эрзац-элиты

С началом перестройки (1987 г.) ангажированная часть интеллигенции ринулась в политику. Она осознала, что для нее открылась редкая возможность прямого действия.

---

¹⁵ В начале 1950-х годов (до смерти Сталина) для занятия первой, самой низшей номенклатурной должности, кандидату требовалось 3 года, в конце брежневской эпохи – от 18 до 21 года (Головачев, Косова, Хахулина, 1995). Иначе говоря, в условиях прекращения массового террора и расширенного выпуска вузами специалистов карьерные лифты (механизмы вертикальной мобильности) практически склеротизировались и закупорились.

Множество ведущих ученых, режиссеров, писателей, актеров, не говоря уже о чиновниках, журналистах и преподавателях, включились в общественно-политические баталии, дискуссии, заняв часто диаметрально противоположные позиции в отношении к Горбачеву и инициированных им изменений. Разделение шло не только по националистическим взглядам (начиная с 1986 года стало заметным открытое размежевание элит – русских, грузинских, украинских, татарских, эстонских и т.п.), но и по отношению к Западу (соответственно, к рыночным, «капиталистическим» реформам и моделям будущего устройства страны). Интеллигенция раскололась на сторонников вестернизации и демократии, с одной стороны, и на защитников охранительно-консервативного курса, приверженцев «сбережения народа», «традиционной русской духовности», воплощением и гарантом которой они считали русское государство. Исчезла единая инстанция, по отношению к которой удерживалась некая виртуальная целостность интеллигентского сознания – государственная власть, номенклатура, бюрократия. Столь же стремительно растворились и исчезли как идея «представительства интеллигенции за народ» перед властью, так и необходимость просвещения народа или «работа с начальством». Поскольку власть была символически представлена Ельциным и правительством реформ Гайдара, ориентированных – пусть декларативно – на западную демократию и свободную рыночную экономику, то оппозиция немедленно окрасилась в «красно-коричневые» цвета. Открытая поляризация политических сил, если не убила интеллигенцию, то по крайней мере ввела ее в коматозное состояние. На первый план вышли те, кто мог что-то практически «делать»: политики-«технократы», «эксперты», чуть позже – политтехнологи и предприниматели, менеджеры, то есть специалисты, ангажированные новой властью для формирования новых институциональных структур или проведения политики нового руководства. Самые прагматичные интеллигенты (научные сотрудники, завлабы, преподаватели) занялись бизнесом и стали капитанами рыночной экономики (Б. Березовский, В. Гусинский, П. Авен, К. Бендукидзе, Д. Зимин и другие).

Образованное сообщество включившихся в публичную деятельность в этот момент открыто дистанцировалось от своей причастности к советской интеллигенции: мы – не интеллигенция, мы – интеллектуалы, специалисты, занятые чисто профессиональными делами – экспертизой, исследованиями, общественной работой – строительством гражданского общества, мобилизацией населения для поддержки реформ и демонтажом тоталитарной системы.

Новые времена вызвали волну жалоб не только в среде гуманитариев («у нас отбирают слова», «мы не нужны в этом мире рыночной экономики, массового спроса, массовой культуры, потребительства» и т.п.), но и среди «технарей», инженеров, конструкторов, численно самой большей категории образованного класса, гораздо сильнее поддержавших горбачевскую «перестройку» и ельцинский транзит к капитализму, чем среда гуманитариев. Значительная часть этих стенаний была вполне оправданной – речь шла не только об утрате положения в обществе и авторитете, угрозе безработицы, но и о реальном кризисе или развале всей прежней системы организации интеллигентской культуры. Институциональные реформы гайдаровской команды и критическое падение доходов государства в переходный период привели к резкому сокращению финансирования образования, медицины, науки, армии. «Легли» академические и ведомственные научные институты и конструкторские бюро, связанные с ВПК, в которых была занята самая большая по численности категория научных и инженерно-технических сотрудников, оставшихся на грани физического выживания без работы или в длительных неоплачиваемых отпусках.

Советская интеллигенция (и поколенчески, и материально) функционировала лишь до тех пор, пока сохранялась советская власть, которая обеспечивала ее существование. С концом ее этот слой несостоявшейся элиты деградирует и интеллектуально, и морально, и исчезает, оставляя за собой пространство цинизма и общего разочарования. Распад государственной организации культуры привел к разрушению связей между центром и периферией, к изменениям в механизмах передачи образцов от «интерпретаторов» или носителей высокой культуры к реципиентам – зависимым в интеллектуальном и моральном плане потребительским группам.

Феноменальным выражением этого процесса оказался крах интеллигентской литературной культуры, организованной вокруг толстых литературных журналов. Социальная роль централизованной журнальной системы в закрытых обществах советского типа не сводится только к поддержанию внутрилитературных процессов (селекции литературного потока, отбора того, что будет в будущем «классикой», тематизацией социальных проблем в литературе и т.п.). Журналы в качестве механизма межгрупповых коммуникаций были средством связи центра и периферии, формой организации культурного времени, способом трансляции более сложных образцов интерпретации происходящего от групп, имеющих доступ к символическим ресурсам, к пассивной и бедной провинции.

На протяжении нескольких лет горбачевской политики «гласности» – с конца 1986 года по 1991 года – тиражи ведущих общественно-литературных журналов взлетели в несколько раз (условно «либеральных» – в 4-9 раз, «почвенных» – в 1.2-1.5 раза). Так «Новый мир», имея до перестройки лимитированную подписку и тираж 160 тыс. экземпляров, после публикаций А. Солженицына, М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и других, ранее запрещенных, авторов поднял тираж до 3.5 млн. экземпляров; «Знамя» (после «Детей Арбата» А. Рыбакова и других перестроечных публикаций) – с 140 до более 1 млн. экземпляров, «Дружба народов» – с 120 тысяч до 850 тысяч экземпляров.¹⁶ Ресурсом для взрывного потребления журналов явился самиздат, а позднее «тамиздат» – зарубежные русскоязычные издательства. Дополнительное значение имела критическая журнальная публицистика, ставшая инструментом срочного просвещения публики относительно элементарных знаний по экономике, праву, статистике, государственному управлению в других странах (статьи Н. Шмелева, В. Селюнина и других).

Но последствия журнального бума были неожиданными. Перекачивая на протяжении нескольких лет (1987-1992 гг.) самые знаменитые тексты из самиздата и зарубежной литературы, журналы разрушили механизм организации литературы, а именно: литературную и социальную критику, производившую отбор и интерпретацию потока литературных произведений с точки зрения их эстетической или общественной актуальности и значимости. Какой смысл рецензировать «Лолиту» или «Дар» Набокова, «Чевенгур» Платонова или «Жизнь и судьба» В. Гроссмана? Их издавали уже в статусе

---

¹⁶ В столицах рост подписки и соответственно тиража этих изданий был еще большим: в Москве и Ленинграде у «Дружбы народов» – в 17 с лишним раз, «Знамени» – в 4.6 раза, у «Нового мира» – в 2 раза (Гудков, Дубин, 1994, с. 328). Консервативные журналы по-своему восполняли накопившийся дефицит, так, например, почвенно-националистический журнал «Москва» получил огромную аудиторию и тираж, печатая из номера в номер на протяжении почти двух лет «Историю государства российского» Н.М. Карамзина (первое издание в 1816-1829 гг.), произведение, которое трудно назвать литературной новинкой.

самых ценных произведений прошлого, не нуждающихся в оценке или комментирования, классиков отечественного культурного наследия.¹⁷

Очень скоро и публицистика ушла из журналов в газеты, на радио и ТВ, ставших самым свободным выражением общественных настроений и мнений. Драматические события этих лет требовали оперативного освещения и, пускай поверхностной, но немедленной реакции. Авторитет СМИ в эти годы необыкновенно возрос, достигнув пика своего признания (после путинской зачистки в начале 2000-х годов он стал падать). Но анализа, глубокой социально-исторической, моральной, философской рефлексии над прошлым и текущими процессами не было, поскольку сама интеллигенция была не готова к изменениям. Никаких серьезных концептуальных или практических, организационных заготовок для будущих реформ или проработки прошлого у нее в «столах» не было. Поэтому попытки декоммунизации (суда над КПСС, необходимости люстраций) и институциональные реформы права, суда, образовании провалились.

В итоге интерес к журналам так же стремительно умер (Гудков, 1991). С 1992 по 1995 гг. тиражи самых известных изданий («Нового мира», «Знамя», «Дружбы народов», «Молодая гвардия», «Москва», «Наш современник» и других) упали до 3-7 тыс. экз. Еще сильнее сократились читательские аудитории у перестроечных популяризирующих науку изданий («Наука и жизнь», «Знание – сила», «Химия и жизнь» и им подобные). Вместе с ними исчезли массовые каналы репродукции ресурсов интеллигентских знания. Литература утратила читательский интерес и социальную значимость (Гудков, 1998, с.88-100). То же самое произошло с отечественным кинематографом. Разорваны оказались и связи между академической наукой и образованной публикой. Вакуум стремительно заполнялся низовой массовой культурой, до этого искусственно сдерживаемой цензурой и идеологической политикой, эзотерикой, православной пропагандой.

Переход от интеллигентской культуры к массмедийной сопровождался понижением общего интеллектуального, культурного и даже морального уровня населения. Отсутствие публичных авторитетов сделали этот процесс неизбежным. Сегодня понятие интеллигенции как самохарактеристика образованных людей (условие их социальной идентификации) сохранилось лишь в низовых слоях периферийной репродуктивной бюрократии – среди библиотекарей, провинциальных школьных учителей или университетских педагогов, низко оплачиваемых и социально депримируемых (по крайней мере в общественном мнении). В этом плане сохранение прежних стандартов идентичности (остатки сознания своей миссии в обществе) позволяет в какой-то степени восполнить отсутствие признания их статуса и роли в обществе. Нетрудно представить себе, что именно в этой среде сильнее распространены рессантиментные националистические (имперские) настроения, антизападные взгляды и поддержка путинского режима. Кризис советской коллективной идентичности, показавшийся в 1991 году предпосылкой перехода России к демократии, уже через год-два обернулся ростом ксенофобии, защитного изоляционизма и компенсаторного антизападничества, ставших основой путинского разворота к авторитаризму. Массовый поверхностный перестроечный мазохизм («мы – страна рабов», «мы – черная дыра истории», «Верхняя Вольта с ракетами», «мы – пример всему миру, как не надо жить» и т.п.) не представлял собой чего-то принципиально нового, а был лишь одним из моментов

---

¹⁷Как результат – целое поколение литераторов со своим особым опытом не получило доступа к издателям, оказалось «задержанным» или «опоздавшим» поколением, потерявшим своего читателя.

«переворачивания» структуры имперского комплекса: великодержавного превосходства/национальной неполноценности.

Затянувшиеся и противоречивые реформы породили глубокое разочарование «демократами», чем воспользовались их противники.¹⁸ Они выдвинули старые, а потому удобные для масс объяснения краха СССР действиями его врагов, западных стран, оказавшихся победителями в холодной войне двух систем. На этой волне собственно и поднялись выходцы из КГБ, ставшие преемниками Ельцина при полной недееспособности либералов, озабоченных лишь сохранением своих позиций, которые они имели до прихода Путина. Все остальное было делом техники: ставка на манипулирование общественным мнением привела к постепенной реставрации представлений о силе и величии государства, сакрализации власти как символического воплощения коллективных ценностей, и ничтожности в сравнении с ними частного, человеческого существования, получающего свой смысл только в служении государству.

В 2000-е годы завершился короткий период российской «демократии». Он оказался фазой очередного ослабления репрессивного государства, но не трансформации тоталитарной системы. Возникла несколько более сложная по составу система господства, с большим потенциалом адаптации и гибкости. Основа ее легитимности – традиционный комплекс национальной неполноценности (потребность в имидже «великой державе») и мораль «общества потребления».

Семантика «потребления» в 2000-е годы мало связана с GRATIFIKACIEЙ личных усилий, заслуги, инновационных достижений или интенсивного труда. Анализ ценностных установок человека этого типа показывает, что круг его запросов, мотивы поведения, жизненные стратегии определен структурой представлений, сложившихся в предшествующую эпоху – у поколения его родителей. Потребительская мораль стала выражением «подавленных» или «отложенных желаний» родителей нынешних потребителей, проживших свою жизнь в условиях социалистической уравниловки и принудительного аскетизма дефицитарной планово-распределительной экономики. Молодые люди, вошедшие в жизнь при Путине, стремятся дистанцироваться от этого поколения, образа жизни «при социализме», коммунальных квартир, «совкового прошлого», ориентируясь на воображаемый, знакомый по кинообразу жизни в западных странах, «нормальных стран».

Российская экономика остается сильнейшим образом зависимой от власти, ее трудно назвать рыночной в привычном экономическом смысле. Если в конце ельцинского правления государство контролировало 26-27% всех финансово-промышленных активов, то сегодня более 70%. Огромное значение имеет коррупционное распределение административной ренты, деформирующее общественный смысл «достижения» и «заслуги», справедливого дохода. Поэтому потребление здесь теснейшим образом связано с символической демонстрацией статуса, знаков социального престижа как выражением

¹⁸ «Утраченные иллюзии «перестроечных» и последующих лет околореформенных конвульсий – это не просто массовое разочарование в демократических идеях и лозунгах, это показатель неудачи той элитарной квазихаризматической, а на деле бюрократической, структуры, которая исполняла роль движущей силы общественных перемен. Реформаторы имели высокие показатели общественного доверия в самый трудный переломный момент 1991-1992 гг., но даже не попытались превратить кредит доверия в систему гражданских организаций и нормально работающих институтов. Вполне закономерно поэтому, что по исчерпанию надежд на квазихаризматических лидеров, массовые ожидания связываются с чиновником, получившим рычаги власти» (Левада, 2006, с.279).

социальной полноценности индивида (другими словами, отражает массовые комплексы социальной неполноценности). Это симптом ценностных дефицитов. Сам по себе феномен российского «демонстративного потребления» указывает на несостоятельность любых претензий на элитарность, включая нежелание «общества» считаться с чем-либо, кроме причастности к привилегированным группам. Отсюда и явное исчезновение потребности в культуре, интереса к прошлому: работают механизмы вытеснения травматического опыта советского времени (сопротивления его рационализации, в том числе – анализу мотивов национального стыда и страха). Отказ от знания прошлого (и культуры) означает, что будущее предстает как бесконечная или многократная итерация настоящего (но с повышением качества потребления). (Гудков, Зоркая, 2017)

Российское общество в целом (не только низовые слои, но и образованный класс) сегодня интегрировано ТВ и дополняющим его интернетом.¹⁹ Вместе с исчезновением интеллигенции радикально сократились параметры письменной культуры, россияне стали в разы меньше читать.

Нынешнее российское общество (в особенности после всплеска патриотической эйфории, вызванной аннексией Крыма) отличается поразительным однообразием представлений. Социологические исследования показывают, что сегодня стерлись значимые различия между социальными группами, нет принципиальной разницы между университетским профессором и промышленным рабочим в отношении к власти, в представлениях о будущем, в характере запросов. Различия – в степени выраженности предпочтений, но не в структуре потребностей.

Помимо распада социальной организации советской гуманитарной бюрократии имеет место еще одно явление, похоронившее интеллигенцию: взрывное увеличение численности людей с дипломом высшего образования способствовало размыванию границ прежнего слоя гуманитарной и управленческой бюрократии. За десять лет (1990/1991 – 2000/2001 годы) число вузов увеличилось с 514 до 1115, а число студентов соответственно с 2.86 млн. до 7.05 млн. (это был пик). Сегодня людей с высшим образованием насчитывается по разным данным 23-26%, среди работающего населения – 33%. Такой рост мог идти только за счет социальных категорий населения, не имевших культурных ресурсов, не ориентированных на моральные и культурные авторитеты, на «элиту», если не считать таковой выходцев из КГБ и номенклатуры.²⁰ Никакого миссионерского сознания в таком, ставшем аморфным и одномерным сообществе уже быть не может.

¹⁹ Гудков, Дубин, 2001, с.31-45.

²⁰ Абсолютное сокращение научного и инженерно-технического персонала академических и ведомственных институтов, конструкторских бюро, связанных с отраслями промышленности, работающих на ВПК, сопровождалось быстрым ростом сервисной экономики и занятых в торговле, финансовых учреждениях, секторе обслуживания. «Интеллигентские» сектора занятости – педагогика, медицина, образование, культура – все десятилетия постсоветского существования находились на крайне скудном финансировании. Число больниц и поликлиник в России сократилось за 25 лет (с 1990 года, последнего советского года) с 34.3 тысяч до 18.9 тыс. (на 45%), школ – с 69.7 тыс. до 44.1 тысяч (на 42%). Закрываются в первую очередь сельские школы и больницы в малонаселенных районах по причинам «повышения эффективности обслуживания населения». Зато число православных храмов выросло с 7.5 тыс. (1991) до 37 тыс. (2017 г.), количество монастырей почти сравнялось с тем, что было до революции (1150 в 1913 году и свыше 1000 в 2015 году). Уменьшение расходов на образование заставило министерство образования существенно сократить численность вузов и студентов: количество вузов уменьшилось вдвое (государственных – до 428, негосударственных – до

Получение высшего образования сегодня никак не связывается со «служением государству или народу». Оно стало такой же «платной услугой населению», как оплата расходов на ЖКХ или медицинское страхование. Быстрый рост государственных и негосударственных вузов, их отделений и, соответственно, численности студентов вузов, а значит – и людей с высшим образованием, мог происходить только за счет расширения платности образования. Число «бюджетных», то есть оплачиваемых государством, мест в вузах, постоянно сокращается и составляет в настоящее время менее половины (47% в 2015 г).

Номинальный рост дипломированных выпускников вузов скрывал под собой и относительное и абсолютное падение качества образования. К середине 2000-х годов доля получивших заочное образование превысила образование на дневных отделениях вузов. В 90-х годах среди «заочников» было еще довольно много тех, кто хотел получить второе, дополнительное высшее образование, что свидетельствовала о переквалификации огромного числа людей, нуждающихся в продолжении своего профессионального обучения из-за изменения структуры занятости, запросов формирующейся рыночной экономики на новые специальности, не предполагавшиеся ранее государственной экономикой (главным образом – юристов, экономистов, специалистов в сферах информационного и сервисного обслуживания и т.п.). В 2000-х годах мотивация «заочников» меняется, заочное (дистанционное) образование становится основным каналом доступа к диплому о высшем образовании.²¹

Государственное финансирование системы образования в эти годы падает до критического уровня. Поддержание минимального уровня воспроизводства в системах образования сегодня становится проблемой. Академическая молодежь теряет интерес к научной карьере, к профессии учителя или преподавателя вузов, что ведет не только к быстрому постарению кадрового состава научно-исследовательских институтов и университетов, но и к консервации самих знаний, преподаваемых студентам, увеличению разрыва между мировой и российской наукой. Если в сфере естественнонаучных и технических дисциплин, явления некроза научной деятельности не так заметны (здесь большую проблему составляет утечка мозгов), то в области социальных наук и гуманитарного знания этот процесс старения профессорско-преподавательского состава дал убийственные результаты. Большая часть преподавателей гуманитарных или социальных наук в советское время и первые десятилетия после краха СССР составляли специалисты в марксистско-ленинской философии, «научном коммунизме», «истории КПСС», «политэкономии социализма» и т.п. Сегодня они вынуждены читать курсы по социологии, психологии, культурологии, экономике, политологии, Учитывая это, можно себе представлять не только характер их преподавания, но и то, как они интерпретировали события переходного периода. Перелицованные советские представления об истории (как самой страны, так и окружающего мира) сочетаются с

---

178), а число студентов в государственных вузах с 7 млн. до 6.1 млн. (2012) и до 4.3 млн. (2018 г.), в негосударственных вузах с 1 млн. до 0.7 млн. человек. По плану Министерства науки и образования этот уровень будет заморожен до конца 2020-х годов (Костюченко, 2016).

²¹ Такая потребность в дополнительной сертификации полученного высшего профессионального образования чрезвычайно остра: Почти половина выпускников вузов (47% в 2015 г.) работает в дальнейшем не по полученной в вузе специальности.

гораздо более архаическими концепциями (реанимацией евразийства, геополитики, расистских и т.п. доктрин), адаптируемых под требования новой власти. Дело не меняет и то, что сам по себе советский марксизм как идеология умер задолго до конца СССР. В его оболочке со времен Брежнева восстанавливался традиционный русский имперский национализм со всеми присущими ему мифами – метафизической русофобией Запада, заговора против России, колониального превосходства русских над инородцами и проч. Поэтому рост русского национализма, который мы наблюдали с приходом Путина, вполне объясним не только как реакция социальных низов на трансформацию советской системы и вызванную ею аномию, глубоким кризисом и массовой дезориентацией, но и как результат интеллигентской переработки этого рессантимента в идеологию государственного патриотизма и «особого пути России».

Тонкий слой новых, скорее антисоветски настроенных, гуманитариев и преподавателей столичных университетов был не в состоянии изменить складывающиеся тенденции в системе воспроизводства «носителей знания и наследия». Характер обучения в российских университетах, эпигонский по отношению к европейской или американской моделям образования, связанный с требованиями властей любыми средствами и в кратчайшие сроки «повысить уровень конкурентоспособности» российских вузов, лишь закрепил разрыв между реальностью (в том числе – реальностью прошлого) и настоящим. Обучение студентов сопровождается отказом от исследования природы как постсоветского общества, так и его тоталитарного прошлого, насаждением оппортунистической морали и готовности к обслуживанию государства. Результат вполне предсказуем: абсолютное большинство молодежи, включая студенчество, не знает, что было в России 20-25 или 50 лет назад.²²

Усиление идеологического контроля после массовых антипутинских протестов 2011-2012 годов в системах образования выразилось в первую очередь в расширении объемов учебных часов для курсов «основ православной культуры» и разного рода курсов «патриотизма». Если к тому же принять во внимание установление полного контроля над информационным пространством и превращением СМИ и значительной части интернета в мощную машину пропаганды, то нетрудно понять, что следствием всех подобных изменений оказалась общая примитивизация общественной и интеллектуальной жизни в нынешней России. После ухода интеллигентской культуры при Путине в образовавшейся пустоте идей и представлений о будущем воцарился дух мстительного консерватизма, реванша и демонстрации силы. Конструкция реальности и ее интерпретации отражают интересы и идеологические установки последнего, низшего эшелона советской номенклатуры и бывших сотрудников КГБ (родившихся в середине 1950-х-начале 1960-х годов, прошедшие социализацию в условиях брежневского безвременья, идеологической реакции и общей деморализации застоя).

Яснее всего эти процессы примитивизации образованного сообщества видны на сокращении объемов массового чтения и книгоиздательской деятельности. За 20 лет (1985-2005) общий объем печатной литературы (совокупный тираж) сократился в 2.5-3 раза (с 1725 млн. экз. до 690-610 млн. экз.), средний тираж одного издания – в 5 с лишним раз (с 33.8 тысяч экземпляров до 6.4 тысячи). При этом число названий выросло очень

²² Опрос Левада-центра об отношении россиян к событиям августа 1991 года (крах путча ГКЧП последовавший за тем запрет компартии) показал, что 90% российской молодежи ничего не знает о них (а это один из переломных моментов российской истории XX века, конец советской системы). В принципе очень близкие результаты мы получаем в ходе опросов об отношении к Сталину, к массовым репрессиям, революции (Общественное мнение, 2016. 2017, с.253 и далее).

значительно: с 51 тыс. до 89 тысяч (в 1.75 раза). За эти же годы увеличился выпуск малотиражной (до 500 экз.) печатной продукции (на 36% по числу названий и на 12% – по совокупному тиражу).²³ Доля этих книг в общем выпуске книжной продукции в 2016 году по числу названий составила почти половину – 48,2%, тогда как в суммарном тираже – всего 2,7%. Книги массового спроса (тираж свыше 50 тысяч экземпляров) по числу названий составляет лишь 0,5% общего числа названий (по совокупному тиражу -18%).

Таблица 1

Динамика книгоиздания в России (1985-2016 гг.)

год	Число впервые изданных книг (названий), тыс.	Общий тираж. млн. экз.	Средний тираж одной книги, тыс.
1985	51.1	1725,0	33.8
1990	41.2	1553,1	37.7
1995	33.6	475,0	14.1
2000	59.5	471,2	7.9
2001	70.3	542.3	7.7
2002	69.7	591.3	8.5
2003	81.0	702.3	8.7
2004	89.1	685.9	7.7
2005	95.5	686.0	7.2
2006	102.0	669.0	6.8
2008	123.3	760.4	6.1
2009	127.6	716.6	5.6
2010	121.7	653.8	5.4
2011	127.9	612.5	5.0
2012	116.9	540.5	4.6
2013	120.5	541.7	4.5
2014	112.1	485.5	4.3
2015	112,6	459.4	4.1
2016	117.1	446.3	3.8

Такая структура книгоиздания означает, что слой образованной и рафинированной публики стал предельно тонким, хотя на его долю приходится все большее интеллектуальное разнообразие. Количество новых книг резко возросло, но оно приходится на узкий и очень фрагментированный слой читающей публики. Распались межгрупповые связи и коммуникации. С исчезновением критики (не только как научного или литературного, общественного института, но даже как простого рецензирования поступающей интеллектуальной продукции) не стало междисциплинарных дискуссий, полемики.

Все эти процессы, а именно: экспансия массовой культуры, сокращение массового чтения (уменьшения числа читателей в стране), коммерциализация высшего образования, нацеленная не столько на получение качественного образования, сколько на формальную сертификацию «образования», тотальное доминирование массовых коммуникаций, находящихся под полным контролем администрации президента, и пропаганда – свидетельствуют о растущей унификации общественного сознания, стерилизации

²³ Книжный рынок России Состояние, тенденции. Перспективы. ФАПИМК, М., 2017 <http://www.unkniga.ru/images/docs/2017/otr-dokld-kn-rynok-rossii-2016.compressed.pdf>, с.10

процессов социально-структурной дифференциации и усложнения общественной жизни. Появление и быстрое распространение интернета скорее завершает этот период радикальных изменений, снимая в принципе проблему культурных и моральных авторитетов, чем может рассматриваться как альтернатива путинской пропаганде. Усиливающаяся одномерность и массивфикация российского социума – это не случайные явления, а результат политики авторитарного режима, готового перейти в новую стадию – вторичного или возвратного тоталитаризма.

Литература

Аксаков Константин Сергеевич, Аксаков Иван Сергеевич. Литературная критика. М., 1981, с. 3.

Боборыкин Петр Дмитриевич. Русская интеллигенция //Русская мысль, 1904, №12.

Веневитинов Д.В. Избранное. М., 1956, с.210-211.

Гудков Лев, Дубин Борис. Уже устали? Социологические заметки о литературе и обществе // Лит.обозрение, 1991, №9, с.97-99.

Гудков Лев, Дубин Борис. Понятие литературы у Тынянова и идеология литературы в России // Вторые тыняновские чтения, Рига, Зинатне, 1986, с.216.

Гудков Лев. Кризис высшего образования. – в кн.: *Гудков Л.* Негативная идентичность, М., НЛЮ, 2004, с. 714 и далее.

Гудков Лев. Образованное сообщество в России: социологические подходы к теме // Неприкосновенный запас. 1999, №1 (3) - <http://magazines.russ.ru/nz/1999/1/gudk.html>

Гудков Лев, Дубин Борис. Параллельные литературы: попытка социологического описания. - В кн.: Гудков Л., Дубин Борис. Интеллигенция: заметки о литературно-политических иллюзиях. М., Эпицентр; Харьков, Фолио, 1994, с.46-52.

Гудков Лев, Дубин Борис. Литература как социальный институт, М., НЛЮ, 1994, с. 328.

Гудков Лев. Крах интеллигенции и массовое чтение. // Библиотека и чтение в ситуации культурных изменений. Вологда, 1998, с.88-100.

Гудков Лев, Дубин Борис. Общество телезрителей: массы и массовые коммуникации в России конца 90-х годов// Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения, 2001, № 2, с.31-45.

Гудков Лев, Дубин Борис. Издательское дело, литературная культура и печатные коммуникации в современной России // Либеральные реформы и культура. М., Либеральная миссия, 2003, с.13-89.

Гудков Лев, Дубин Б Борис., Левада Ю. Проблема «элиты» в современной России. Размышления над результатами социологического исследования. М., Фонд «Либеральная миссия», 2007, с. 15.

Гудков Л., Зоркая Н. Вытеснение истории: что осталось от мифа революции? Мониторинг общественного мнения, 2017, №1-2, с.161-181.

Головачев Б.В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А. Формирование правящей элиты в России // Общественные и социально-экономические перемены: мониторинг общественного мнения, 1995, №6, с.46-48, 1996; №1, с. 44-46.

Давыдов Михаил А. За 20 лет до Великой войны. Русская модернизация Витте-Столыпина. СПб, Алетейя, 2016, с.841-882.

Дубин Борис. Слово-письмо-литература. М., НЛЮ, 2001, с.329-341.

Дубин Борис, Зоркая Наталия. Чтение в России. 2008. Тенденции и проблемы. М., МЦБС, 2008.

Жуковский Василий Андреевич. Из дневников 1827-1840 годов. // Наше наследие, 1994, №32, с.46.

Книжный рынок России Состояние, тенденции. Перспективы. ФАПМК, М., 2017
<http://www.unkniga.ru/images/docs/2017/otr-dokld-kn-rynok-rossii-2016.compressed.pdf>, с.10

Костюченко А. П. Статистический анализ основных показателей системы высшего профессионального образования в России // <https://moluch.ru/archive/156/43762/>;

Корнер Владимир. Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура // «Вопросы философии», 1989, №9. (написано в 1969)

Левада Юрий. Перспективы человека: предпосылки понимания. – В кн.: Ю. Левада. Ищем человека, М., Новое издательство, 2006, с.279.

Левада, Ю. Введение. Элитарные структуры в постсоветской ситуации // Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. Проблема «элиты» в современной России. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007.

Общественное мнение 2016. М., Левада-центр, 2017, с.253 и

Общественное мнение в 2016 году. М., Левада-центр, 2016, с.84, табл.9.1.1.

Олеша Юрий. Книга прощания. М., Вагриус, 1999, с.55. Российский статистический ежегодник, 2016. Росстат. -
http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1135087342078.

Шевеленко Ирина. Модернизм как архаизм. М., НЛЮ, 2017, с.10-29.